

**Задание 1.**

Прочитайте произведение известного современного писателя и выполните к нему задания.

Евгений Клюев

**ОЧЕНЬ ХОРОШАЯ КНИГА, КОТОРАЯ СОВСЕМ РАСКЛЕИЛАСЬ**

То, что книга может расклеиться, – дело обычное. Книги ведь все на клею: так уж их изготавливают. Конечно, для книг обычно самые прочные клеи используют, которые долго держатся, но тут ещё всё от того зависит, часто ли книгу открывают и закрывают. Если часто, то клей ослабевает – и книга вполне может расклеиться, особенно хорошая книга. А наша Книга как раз хорошей и была – её так и звали: «Очень Хорошая Книга». Потому-то её довольно часто открывали и закрывали.

Но вот однажды эту Очень Хорошую Книгу взяли в руки, а она развалилась – прямо в руках. И все страницы из неё посыпались на пол, а в руках осталась одна только обложка...

Стоявшая на полу не очень чистая Кошачья Миска, увидев такое, осуждающе взглянула на рассыпанные страницы и с укоризной произнесла:

– Соберитесь, милочка! Не дело это – так распускаться.

– Я не распустилась, – виновато прошелестела Очень Хорошая Книга, которая теперь существовала в листах. – Я не распустилась, я просто расклеилась. Многие расклеиваются...

– Конечно, многие, – поддержал Очень Хорошую Книгу Пожилой Обеденный Стол: он давно уже ходил ходуном в разные стороны – причём тоже потому, что был склеен и клей начинал ослабевать, а стало быть, Стол очень хорошо представлял себе, что это значит – расклеиться.

– И вовсе не многие! – горячо, поскольку в неё как раз налили горячего молока, возразила Кошачья Миска. – Я, например, никогда не расклеиваюсь.

– Потому что Вы и не склеены, – отозвался Пожилой Обеденный Стол. – Вы сделаны из цельного куска пластмассы путем продавливания. Вам всё нипочём!

– То-то и оно! – с гордостью согласилась Кошачья Миска: ей очень понравилось, что она сделана путем продавливания.

– А те, кто не сделан путем продавливания, – продолжал Пожилой Обеденный Стол, – они... они бывают такие невозможно... тонкие. Такие тонкие, что, если жизнь не слишком добра к ним, они могут опечалиться,

## Вопросы:

1. Автор создает 2 мира - мир безудного разума, где живые - обитое собранные и дисциплинированные и тогда, все всегда будет в порядке, и мир Эмоций, где все способно чувствовать и сопереживать друг другу. К миру разума можно отнести Кошачью Миску, а к миру Эмоций - Очень Хорошую Книжку, Один Возвышенный Голос и Леплого Обеденного Стола.

Еще автор создает два мира: мир "целых" персонажей не способных испытывать сложные чувства и эмоции и пытающихся всего добиваться лишь силой (т.е. "пути продавливания"), и мир "сложных", "соединенных" из нескольких частей персонажей, которые, наоборот, могут сопереживать и сопереживать. К миру "целых" персонажей можно отнести Кошачью Миску, а к миру "сложных" - Очень Хорошую Книжку, Один Возвышенный Голос, Леплого Обеденного Стола.

2. Стихи-написанные в рифму и ритмичные построение произведения, в которых как правило нет сюжета, но есть эмоции, переживания и чувства лирического героя.

2.1. Многозначность слова "труба" - печная труба, труба как муз. инструмент  
"Он все дул и дул в трубу, печная труба, труба как муз. инструмент  
Здесь слово "труба" использовано в значении "печная труба"

2. Многозначность слова "собрать" - собрать зритель, собрать вещи, собрать миски  
"Житель Америки меня тательным взглядом и презрительно произнес: "Соберите миски и карточки ответов!"

Здесь слово "собрать" использовано в значении "собрать миски".

3. Многозначность слова "забить" - забить гол, забить гвоздь

"Наши футболисты вновь забили Франции "Ура!"

Здесь слово "забить" использовано в значении "забить гвоздь".

4. Многозначность слова "шляк" - осенняя шляпа, портновская шляпа, шляпа ежа

"Вся земля была залита мячиными, крутимячиными под ногами шляками"

Здесь слово "шляки" было использовано в значении "основными шляками"

5. Многозначность слова "коса" - девичья коса, пшеничная коса, стальная коса

"На Руси до замужества девушки носили две косы."

Здесь слово "коса" использовано в значении "девичья коса"

потерять веру в себя, расклеиться. И потом их очень трудно собрать... Таких и вообще-то лучше беречь, потому что их легко потерять.

– Подумаешь, какие нежности! – сказала Кошачья Миска. – А вот мой девиз, например: будь собран и дисциплинирован – и всё всегда будет в порядке.

– Это потому, что Вы сделаны путем продавливания, – заверил её Пожилой Обеденный Стол.

А Очень Хорошую Книгу уже пытались собрать, только собрать её было действительно нелегко. Страницы в беспорядке разлетелись по полу – и теперь никак не получалось соединить их друг с другом в одно целое. То и дело можно было услышать:

– Да где же страница двадцать пять... только что ведь была! И страница сорок пропала... А страницы сто восемнадцать и вообще нигде нет!

– Ох, – вздыхала, между тем, Очень Хорошая Книга, – видимо, я и в самом деле совсем расклеилась...

Немудрено: в Очень Хорошей Книге были только стихи – и стихи эти были такие грустные! Тут уж хочешь-не хочешь, а расклеишься...

Впрочем, наконец все страницы с пола всё-таки собрали на столе – и стали проверять, в том ли порядке они лежат, в каком были.

– Эти тонкие натуры, которые не сделаны, как я, путем продавливания, требуют к себе слишком много внимания! – заметила Кошачья Миска. – Возись с ними целыми днями... да ещё осторожность соблюдай, – подумаешь! – Тут она фыркнула и, с презрением взглянув на Очень Хорошую Книгу, позволила кошке вылакать из себя остывшее молоко. Потом облегчённо вздохнула и добавила: – А что это вообще такое – стихи?

– Мне трудно Вам объяснить, что это вообще такое, – сказал Пожилой Обеденный Стол. – Будь я Пожилой Письменный Стол, у меня, может быть, и получилось бы. Попросите-ка лучше Очень Хорошую Книгу объяснить Вам это.

Очень Хорошая Книга не заставила себя просить. Она вздохнула и объяснила:

– Стихи – это просто такие истории, сделанные из души...

– Путем продавливания? – спросила Кошачья Миска.

– О, нет! – возразила Очень Хорошая Книга. – Уж что-что, а стихи не делают путем продавливания!

– Тогда мне неинтересны стихи! – буркнула Кошачья Миска и укатилась под мойку.

...а Очень Хорошую Книгу положили на Пожилой Обеденный Стол и принялись осторожно листать, замирая над каждой страницей. И потом Один Взволнованный Голос сказал:

– Какие великолепные стихи умели писать когда-то! Правда, не удивительно, что книга вся расклеилась... Я и сам весь расклеился, пока листал её.

– М-д-а-а-а, – произнесла из-под мойки Кошачья Миска. – Этих... расклеившихся здесь становится всё больше и больше. Пожалуй, тут только на одну меня и можно положиться. Поистине, в мире было бы гораздо меньше забот, если бы всё на свете делалось путем продавливания!

0801

– Упаси Боже! – неожиданно для себя воскликнул Пожилой Обеденный Стол и смутился.

**Евгений Клюев** – современный поэт, прозаик, драматург, учёный-лингвист, переводчик.

Вопросы:

1. Автор данного произведения создает два мира. Как бы вы их охарактеризовали и каких героев отнесли бы к ним?
2. Приведите примеры, в которых используется многозначность слова и раскройте смысл ее использования в конкретной ситуации? (не менее 5)
3. Как бы Пожилой Письменный Стол объяснил Кошачьей Миске, что такое стихи?

Задание 2.

1. Перед Вами названия произведений из сборника «Сказки на всякий случай» Евгения Клюева. Предложите автору не менее двух вариантов названий сказок для продолжения сборника.
2. «Прогулка по городу в обществе Клипового Листа»;
3. «Капризный Шарфик в Шотландскую Клетку»;
4. «Крохотная Волна, очень спешившая к Берегу»;
5. «*Безделов турбулентности чайного пакетика*»
6. «*Длинный бран, очень хотевший пойти свою Молнию*»
4. «*Лыжная Ручка, не пишущая писать*».

*Всероссийская олимпиада школьников по литературе*

2019-2020

*Школьный этап*

11 класс

**Задание №1.**

Выполните целостный анализ предложенного произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Марина Вишневецкая<sup>1</sup>****Буквы**

Этот текст начинался давно, лет десять назад. С публикацией его первого фрагмента (“Знамя” № 11, 1996) я, видимо, поспешила. Но угадать, что он так разрастется и обретет, хочется думать, цельность, тогда я еще не могла.

И — второе неизбежное уточнение: помня со школьной скамьи о том, что буква есть письменный знак, я, тем не менее, не могу отказаться от собственного восприятия буквы как единства звука и графики.

*И — второе неизбежное уточнение:  
помня со школьной скамьи о том,  
что буква есть письменный знак,  
я, тем не менее, не могу отказаться  
от собственного восприятия буквы  
как единства звука и графики.*

*Когда мы произносим звук,  
Когда рисуем знак,  
Летит зерно из наших рук,  
И вырастает злак.  
Его мы в голоде слепом  
От всех невзгод храним.  
Но осень медленным серпом  
Уже ведет над ним.*

<sup>1</sup>Марина Артуровна Вишневецкая (род. 2 октября 1955 года, Харьков) — российский писатель, поэт и сценарист. В 1979 году окончила сценарный факультет ВГИКа. Начала печататься как автор юмористических рассказов в 1972 году в журнале «Юность».

Адам и Авель. И Авраам. Они — праотцы. А она?

Не буква, сам голос — глас — лишь дай ему волю.

Дай волю в младенчестве: ам, ав, ма-ма-ма, бах, па, ба-ба.

Дай волю в испуге: ах! В негодовании, в сокрушении: ай-ай-ай! В разочаровании: а-а-а! В радости и веселье: ах-ха-ха-ха!

Больше, чем буква — дар быть собой. Жар быть собой. Больше, чем звук — распахнутость. И распаханность — бык, от рисунка которого и пошла: <|

Бык — то ли alph, то ли алеф... Как выговаривали его финикийцы, сквозь гомон и грохот тысячелетий внятно уже не расслышать. Но гласным этот знак, этот звук еще не был. Не было у финикийцев знаков для гласных. Потому ли, что говорили они не певуче, а сцепкой зубовой, мыком губным? Вот и алеф был у них смычкой гортани, придыханием, едва слышимым “кх”.

А греки — те говорили ли, пели? Не Афины — Ат(х)энай, не Сиракузы — Сюракосай. И финикийца Кадма обожествив, двадцать две буквы, взрывных, глухих придыхательных, звонких межзубных, приняв от него как дар и как жар, — без гласных, без их мелодики были собою только наполовину. И обрели целокупность тогда лишь, когда в чужие, им не понадобившиеся крючки вдохнули воздух, протяжность, гласность.

Так бык финикийцев воткнул рога в землю ахейцев. “А” — сказал бык впервые за тысячелетие. И пошел, и пошел по пахоте смыслов. И теперь голова его во главе едва ли не каждой из азбук. Все меньше похожая на быка, все больше на гору. Все больше — на человека. Не только абрисом (*прописным азом ноги растопырил* — это у Даля), но и звуком, его открытостью, мощью, напором (*полнота души — в нем: благоговение, поклонение, удивление, воспринимающее начало есть “а”* — это у Белого). Не буква — лава, тягуче спешащая, длаящая, становящаяся базальтом, камнем, горой. Или выдохом. Или песней.

Бесхитростная, надежная, внятная. От самого сердца идущая. Не только младенец ее лепечет, но и мы поем ему колыбельную ею: “А-а, а-а, а-а... А?”.

И первое, что говорим, с ним играть начиная: “Ла-адушки, ла-адушки. Где были? — У ба-абушки! — Что ели? — Ка-ашку. — Что пили? — Бра-ажку!”. Потому что не смыслы он пока слышит, не в них силу черпает. А в том, что любят его, защищают, в том, что открыты ему всей душой.

Открыты, настезь распахнуты — сами не ведая, в какие такие дали.

Когда-то, непредставимо давно, эта песня-игра была ритуалом. Ладушки — ведь это ладошки. Исполняли ее на тризне. “Кашка сла-аденькая! Бражка пья-аненькая!” — так еще пели и прикладывали к ладони ладонь, и снова с ушедшими соединялись. Потому что потомки и предки едины, потому что их связи не разорвать. И чтобы умершие в этом не усомнились, сквозь всякое слово протяжное “а” продевали — не отыскать нити прочней.

Прочней и магичней. Не потому ли и Блок, выслушивательтайнозвукос вселенной, так часто искал в ней опоры?

Вхожу я в темные храмы,  
Совершаю бедный обр[ъ]д.  
Там жду я Прекрасной Дамы  
Вмерцаньи красных лампад.

Магичность, отверзтость, причастность к тайнам и есть вечная женственность.

Проходила Ты в дальние залы  
Величава, тиха и строга...  
Ты была у окна  
И чиста и нежна...  
Теб[ъ]а скрывали туманы,  
И самый голос был слаб...  
Всегда без спутников, одна,  
Дыша духами и туманами,  
Она садится у окна.  
Но счастье было безначальней,  
Чем тишина. Была весна.  
О весна, без конца и без краю —  
Без конца и без краю мечта!

А еще она — мать, жена, сестра. Мать сыра земл[ъ]а].  
Она женственна, как любая из гласных в их певучести и текучести. Но в ней нет ни кокетства “о”, ни непредсказуемости “е”, ни взвинченной нервозности “и”, ни мужеподобия “ы”, ни угловатой грациозности “у”.

Она женственна, потому что естественна, искренна, самодостаточна. Вот откуда — поверх всех случайностей — Тать[й]а Ларина, вот откуда толстовские Анна, Наташа, княжна Марья. И Аглая, и Настасья у Достоевского (а если Сонечка, то Мармеладова... Ладова). И Лара у Пастернака.

Она посыл, и она же отзыв.

И-и, — поют комары.

У-у, — стенает ветер.

О-о, — вздыхает печная труба.

Э-ы, — поскрипывает сосна.

И лишь человек выдыхает, поет, зовет, заклинает: а-а-а.

Ее нельзя изобразить иначе, но весьма разнообразно — можно, обнаружив все богатство жестов — танец вожделеющего Шивы.

У нее и вид средоточия. Средоточия? В средоточии мне всегда слышалась сосредоточенность растения. Его предельная сосредоточенность — зерно. Запредельная — когда зерно уже мертво, а жив — росток. То, что тянется вниз укорениться, а вверх — жить, и есть ее чертеж.

Гадалки же называют ее звездой. И, вдруг обнаружив под безымянным пальцем, обещают почет, богатство, славу.

Она в самом деле похожа на звезду. И когда звучит — мерцает.

Одна из немногих букв, которая так ясно слышна, когда произносима не нами — шмелем, пчелой, лугом. Читай: Богом. Означает ли это, что Им же — изнуряющее “з”, сопровождаемое ударами о стекло жирного мушиного тела; Им — пронзительное пикирующее “зиии”, перечеркивающее всю нежность вечерней прохлады? Безусловно, означает. Но чу!

*Уже ужин, уже ужин; ну же, ну же, ужин нужен!* Это — пчелы. И они правы. Правы всегда, даже если жалят. Они собирают мед. Мы уже знаем, что он — для нас. Что мы отберем его у них. И — благоговеем. Мы обожаем пчел в детстве за пользу, за праведный образ жизни, а после — уже неважно за что — за грациозность медвежонка, зарывшегося в стожок, — ни за что, за жужжание. Мы слушаем его завороженно и, кажется нам, бескорыстно. Мы слушаем клятву в верности, завет между человеком и избранным им народцем. Все лето мы слушаем литургию, прекрасно зная, что завершится она жертвоприношением.

Звук и чертеж его. В том и другом — надежность. В том и другом — подвижность. И еще — цвет. Цвет звука — он, конечно, медово-желтый, как и свет от любой звезды, чертеж которой — все то же скрещенье трех перекладин.

Крепеж этот — остов тех слов, из которых жизнь. Жизнь здесь и сейчас — среди жимолости и нежити. Жизнь как неизбывное ожидание жизни.

Незаимствованная, созданная, возможно, Кириллом Философом, но, всего вероятней, его учениками — буква *живһте*. Так и живем: жадно, жутко, нежно, однажды. Кричим, что в навозной жиже. Думаем, что божьи ушибинки. Она же — всегда под рукой, всегда на руке — размашисто, жирно — на каждой ладони. Подтверждением, наваждением. Если долго смотреть — легким жжением: живете, живете, живете.

### **Опорные вопросы:**

1. Какова художественная специфика описания процесса познания мира в рассказе?
2. Как бы Вы могли охарактеризовать художественные особенности мышления автора?
3. Какова роль звукописи в создании образа буквы?

### **Задание 2**

В XVIII столетии была очень популярна жанровая форма путешествий. Описания путешествий, реальных и вымышленных, появлялись в виде путевых заметок, дневников, писем, отчетов. Вместе с тем сформировалась и так называемая «малая форма» — «прогулки». Так, например, у К.Н.Батюшкова мы найдём прозаические сочинения «Прогулка по Москве», «Прогулка в Академию художеств».



Создайте свой вариант «прогулки», используя форму письма или дневниковой записи, заметки в блоге или на своей странице в социальных сетях.

Выберите и используйте в качестве эпитафии одну из предложенных ниже цитат или фрагментов стихотворений. Не забывайте, что эпитафия – это эмоциональный и смысловой ключ к тексту.

1. *Если гуляешь безо всякой цели, гуляй там, где красиво.*  
(Мацуо Монро. Научи меня умирать)
2. *Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а я люблю ночью пошляться по улицам. Очень как-то свободно чувствуешь себя. Можно размахивать руками. Никто тебя не толкнет. Как-то можно беззаботно идти.*  
(Михаил Михайлович Зоценко. Ночное происшествие)
3. *Вам не кажется, что когда ходишь пешком, то замечаешь больше? И домов, и людей.*  
(Арчибальд Джозеф Кронин. Древо Иуды)

Знакомство малыша с миром начинается именно со звуков. Уже в сознательном возрасте начинается изучение букв, их написание, составление из них слов. К этому времени у ребёнка появляются ассоциации и конкретный звук может иметь эмоциональную окраску, не всегда понятную взрослому человеку.

Так автор текста приводит в пример «а», часто звучащую из уст родителей. И в колыбельной, и в игре, везде её слышно, вот она и стала родной, «от самого сердца идущей». Влияние данного явления можно обнаружить при выповаривании первых слов. Чаще всего будут встречаться «а», «о», намного реже «е», «ё», «ю», «ё», не вызывающие тёплых эмоций.

Понимая особенности восприятия человека, писатели и поэты часто прибегают к приёму звукописи. Одни дают имена своим героям с «приятными» звуками, другие наделяют свои стихотворения конкретными звуками. И это работает вне понимания читателя. Бывает ведь, что перед глазами всплывают картинки, а ты дивисься таланту автора, не понимая, какими же образом он сумел найти к тебе подход.

Кстати, шипящие буквы, забывать про значение звуков для восприятия текста. Ещё с детства звуки являются приоритетом при прислушивании к окружающему миру, познание Земли начинается с этого. Так буква со временем и создаёт образ, вызывая у человека воспоминания с грохотом, шумом, пёвом, улыбанным в природе.

2. Не знаю как вы, усталые гранды, а я можно ночью пощипаться по щекам. Очень как-то свободно чувствуешь себя. Можно размахивать руками. Никто тебя не толкнет. Как-то можно беззаботно идти.

М. М. Зощенко. Кочное происшествие;

Восьмой день. Восьмой день пребывания в этом ужасном месте, казалось, что больница высасывает из меня все силы, когда её задача состоит в абсолютно противоположном. Кадно бы здесь были подростки, но меня поселили в ИОР-отделение для взрослых. И лишь один парень оказался примерно одинакового возраста со мной, он появился тут пару дней назад. Высокий, темноволосый, с глазами цвета горячего шоколада незнакомец вызывал дикий интерес. Но моя нога ужалась пожать о нём, что он любит сидеть на обedia один.

Прошлым отбой, пора бы реализовать мой план, уж слишком устала бездействовать. Что, если позвать его прогуляться? В любви случай, кто не рискует, тот одиноко скучает в своей палате. Мой объект заинтересованности сидит в коридоре и что-то увлечённо читает в тёмроте, не замечая уверенно идущую к нему фигуру.

- Здравствуйте, забираю тебя на приключении, сядься и выходи через шесть минут, - на одной фанкании сказала я, - буду ждать.

Он меня покачал плечами и скрылся за дверью. И каково было удивление, когда я, уже полностью утешившись, всё-таки дождалась его выхода - Прости, яало искал шапку.

Мы выдвинулись в путь. Как оказалось, здорово-

рефлекторы, урать не более полутора часов. И от  
концы ушца, свобода, ощущение выхода из заточения.  
В это время спешивки неспешно демонстрировали  
свой танец под светом уличных фонарей, но, если  
смотреть вперёд, этой красотой незаметно. Как же  
я скучала по морозу, когда нос начинает болеть  
щипать, всё тело чувствует холод, независимо  
от того, сколько на тебе слоев одежды, а щеки  
ментально приобретают красный оттенок. Мой  
попутчик предлагает пойти в магазин, а я охотно  
соглашаюсь, всё ещё щуря глаза от навалившего  
мне на ресницы снега. Под ногами хрустит  
так, что кажется, будто звук слышишь всей ушцей.  
Вот она прелесть прогулок по снегу. Вокруг тишина,  
тишина, хоть кричи во всё горло. Но вместо этого,  
к счастью, решаю побегать, не забыв крикнуть  
спутнику, что он «водит». Тот сразу срывается с  
места и бежит за мной, чуть не упав пару раз  
дополна. Счастлив. Улыбается. Пока пытается отды-  
шаться, не медлю, толкаю его в спину. Впервые слышу  
его звонкий смех, какой же чекрепкий парень в эт  
момент, а я даже его имени не знаю.

- Слушай, а как тебя зовут всё-таки?

- Я Тоша, здравствуй...?

- М, просто М.

- Хорошо помню мне встать, - протягивает руки,  
но валит меня на землю, - вот, теперь тесно.  
Опять смех. А я лежу, не дыша, лишь прислушиваю  
сь и пытаюсь запомнить. Слишком удивительно  
какие те разные эти два человека - тот, что м  
посмотрел на меня сверху вниз в больнице, когда  
лабезно предложила яблоко, и тот, что сейчас

Заботливо лохотит, валяясь в снегу. Ода встаём, отсту-  
пиваемся и профназилами идём в сторону магазина.  
Скорее всего, пару любопытных лиц смотрят сейчас  
на нас из окон многоэтажек, решив увидеть эти  
суднашедших, что прячут в праздничную ночь  
при такой-то погоде, но я не вижу в этом ничего уд-  
вительного. Давно привыкла к починки прогулкам, к  
пространу улиц города при отсутствии его границ,  
может быть, то, что мы сейчас делаем, и является  
причиной естественного поведения моего товарища. О-  
кстати, тоже о чём-то задумалась, но не хочу прерыва-  
ть его, потому бездельно люблюсь Уссурийскана. Вот  
главный кинотеатр "Россия", стоит во мраке, даже  
не подсвечивалось шириндами, но через пару часев пре-  
образится, вночь отидая эти толпы толкающие  
людей. Хорошо, что сейчас их нет. Дальше нам встр-  
чается не узнаваемый фронтан под своим снегом.  
Взбираюсь на него и иду по бортику, оставляя след  
сапог на белой пелене, Павел держит меня за руку.  
А ведь будь сейчас день, это выглядело бы крайне мило.  
Я знаю, пробовала, лишь получила оштрафованные буля  
малюток, ведущая своих детей по моему же маршруту.  
Кажется, приятель тоже понимает это и улыбается и  
Что же у него сейчас в голове? Пытается ли он так  
же разгадать меня, как я его? Может, мы с ним  
родственные души?

Шёл восьмой день, кажется, моей службе пришёл конец

24 февраля 20